

13 причин почему

Автор:

Джей Эшер

13 причин почему

Джей Эшер

Виноваты звезды

Однажды Клэй Дженсен находит на крыльце своего дома странную посылку. Внутри – несколько аудиокассет, которые станут роковыми в судьбе юноши. Тринадцать человек. Тринадцать причин. Тринадцать историй, рассказанных Ханной Бэйкер, девушкой, которой уже нет в живых. «Тринадцать причин почему» – трогательная, завораживающая история об отношениях, понимании и сострадании, которая изменила жизни подростков во всем мире.

Джей Эшер

13 причин почему

Посвящается Джоан Мари

© Jay Asher, 2007

© М. Балабанова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

Абсолютный лонгселлер Amazon.com

Лучшая книга для подростков (премия YALSA)

Выбор Международной Ассоциации Чтения

Права на книгу проданы более чем в 20 стран

Ты не можешь изменить будущее.

Ты не можешь исправить прошлое.

Ты можешь только слушать.

Никто не знает наверняка/ какое влияние он оказывает на жизнь других людей.

Иногда мы даже не догадываемся, что от наших действий или слов зависят судьбы.

Не все люди обладают сильным духом, некоторые опускают руки и совершают самую страшную ошибку в жизни. Но мы можем это предотвратить. Об этом, собственно, и книга.

LiveLib

Жить дальше и делать все, что в твоих силах, а не цепляться за прошлое, в котором уже ничего нельзя изменить...

Imhonet

* * *

– Молодой человек? – повторяет девушка. – Когда нужно доставить посылку?

Потираю левую бровь, волнение становится все сильнее.

– Не имеет значения.

Служащая почты забирает у меня посылку. Это все та же коробка из-под обуви, которая появилась у меня на крыльце меньше двадцати четырех часов назад, заново завернутая в коричневый бумажный пакет и обмотанная почтовым скотчем – все в точности так, как было, когда я ее получил. За исключением имени адресата. Сейчас там указано следующее имя из списка Ханны Бейкер.

– Дюжина Бейкер, – бормочу я и чувствую отвращение.

– Что, простите?

Качаю головой.

– Сколько с меня?

Она откладывает коробку и что-то печатает на компьютере. Заглядываю на экран монитора, ставлю на прилавок кофе, купленный на заправке, и выкладываю несколько банкнот из кошелька и мелочь из кармана.

– Не думаю, что кофе уже стал валютой, – говорит она. – С вас еще один доллар.

Достаю еще доллар. Тру глаза, чтобы проснуться, отхлебываю кофе, но он оказывается чуть теплым и таким противным, что я с трудом могу сделать глоток. Но приходится – мне нужно так или иначе проснуться. А может быть, и не нужно? Возможно, лучше провести этот день в полудреме, так будет проще его пережить.

– Она будет доставлена завтра, – говорит служащая и бросает коробку в стоящую за ней тележку. – Или послезавтра.

Зачем я делаю это именно сейчас? Нужно было дождаться окончания уроков, чтобы дать Дженни еще один спокойный день, хотя она этого и не заслуживает.

Когда завтра или послезавтра она вернется домой, то увидит на крыльце посылку. А может, первым ее найдет кто-нибудь из ее родителей и отнесет посылку ей на кровать. Наверняка она будет взволнована не меньше моего. Посылка без обратного адреса? Его что, забыли указать? Или это международная почта? А может, от тайного поклонника?

– Вам нужен чек? – спрашивает служащая.

Я качаю головой в знак отказа, но принтер уже печатает. Служащая отрывает чек и выбрасывает его в мусорную корзину. Интересно, а других людей из списка Ханны, тех, что идут в нем до меня, обслуживала эта же девушка? Это ведь единственное почтовое отделение в нашем городе. И что они сделали с чеками? Сохранили их как сувениры? Спрятали, засунув в ящик с нижним бельем? Прикрепили к пробковой доске для записок?

Я почти произношу: «Прощу прощения, но можно мне все-таки получить свой чек?» – как напоминание обо всей этой истории. Но что-то меня останавливает. Ведь если бы я хотел все запомнить, то мог бы просто переписать аудиозаписи или сохранить карту. Но нет – у меня нет ни малейшего желания снова слушать эти пленки, хотя голос Ханны навсегда останется у меня в памяти. Останутся дома, улицы, старшая школа – все, о чем она рассказывала. И я ничего не могу с этим поделать.

Посылка отправлена, я ухожу с почты без чека. Голова по-прежнему болит, каждый глоток кажется все более кислым, и чем ближе я подхожу к школе, тем сильнее все внутри начинает сжиматься. Хочется свернуться клубком, упасть на дорогу и зарыться в плюш, потому что сразу за плющом дорога поворачивает, ведя через парковку, а потом через лужайку прямо к главному зданию школы, проходит между дверьми и сворачивает в коридор, по бокам которого висят ряды ящичков, и в конце концов приводит к «всегда открытой» двери на первый урок. Около доски, «лицом» к школьникам, стол мистера Портера. Он последний, кто получит посылку без обратного адреса. В центре класса, вторая парта слева, стол Ханны Бейкер. Пустой.

За день до этого

Час спустя после окончания уроков

Посылка размером с коробку для обуви лежала перед парадной дверью. Отверстие для писем в двери было довольно узким, поэтому все, что оказывалось толще куска мыла, всегда оставалось на крыльце. На посылке небрежными каракулями написано имя адресата – Клэй Дженсен, то есть я.

Поэтому я поднял посылку, вошел в дом, прямо на кухню, и положил посылку на разделочный стол. Из одного из ящиков достал ножницы, разрезал упаковку, открыл коробку и обнаружил нечто, завернутое в пузырчатую пленку, развернув которую я увидел семь аудиокассет без упаковки.

На каждой кассете в нижнем правом углу был написан номер. Возможно, темным синим лаком для ногтей. По одному номеру на каждой стороне: «1» и «2» на первой кассете, «3» и «4» – на второй, «5» и «6» и так далее. На последней кассете надпись была только на одной стороне – «13».

Кто это послал мне обувную коробку с аудиокассетами? Никто уже давно не слушает кассеты. Интересно, а мне вообще есть на чем их послушать?

Гараж! Старый магнитофон на верстаке. Отец купил его на домашней распродаже за какие-то копейки, чтобы не думать о том, что он может испачкаться или забиться опилками. Но что самое важное сейчас – это кассетный магнитофон!

Я добрался со своей ношей в гараж, подтащил табурет поближе к верстаку, положил рюкзак рядом на пол и устроился поудобнее. Нажал на магнитофоне кнопку «Открыть», и пластиковая дверца распахнулась. Я вставил первую кассету.

Кассета 1. Сторона А

Привет всем. Это Ханна Бейкер. Живая. В вашем магнитофоне.

Не может быть.

Никаких обещаний вернуться. Никаких повторений. И в этот раз совершенно никаких просьб.

Нет, это какой-то бред: Ханна Бейкер покончила с собой.

Надеюсь, вы готовы к тому, что я сейчас расскажу. Это будет история моей жизни, точнее, история о том, почему эта жизнь неожиданно оборвалась. И если вы слушаете эти записи, значит, вы – одна из причин произошедшего.

Что? Нет-нет-нет.

Не скажу, на какой именно кассете будет упомянуто ваше имя, но будьте уверены: если вы получили мою посылку, я о вас рано или поздно вспомню... Обещаю. Все, что вы услышите, чистая правда. Задумайтесь, зачем мертвой девушке лгать? Все это смахивает на глупую шутку? Как бы не так, я уже не могу спорить или защищаться, поэтому сейчас говорю только правду.

Это что, извращенная предсмертная записка?

А вот теперь давайте смейтесь! Не знаю, как вам, мне кажется, что это было смешно.

Получается, что прежде, чем умереть, Ханна записала серию кассет. Непонятно только: зачем?

Сыграем в мою игру. Правила очень просты, их всего два: первое – вы слушаете кассеты от начала до конца; второе – передаете их дальше. Надеюсь, что выполнить это будет не так-то просто.

– Что ты там слушаешь?

– Мама?!

Тянусь к магнитофону и нажимаю все кнопки сразу.

– Мам, ты меня напугала, – говорю я. – Так, ничего особенного, делаю школьный проект.

Уже вошло в привычку так отвечать на любые вопросы. Задержался? – Школьный проект. Нужны дополнительные деньги? – Школьный проект. И сейчас записи девушки, которая две недели назад наглоталась таблеток, я тоже назвал «школьным проектом».

– Можно мне послушать? – спрашивает мама.

– Это не мое, – отвечаю, шаркая носком туфли по бетонному полу. – Я помогаю другу... с историей... такая скучотища.

– Что ж, молодец, – говорит она, наклоняясь через мое плечо, чтобы убрать рулетку, которая лежит под одной из моих старых пеленок, а затем целует меня в лоб. – Оставляю тебя в покое.

Я жду, пока за ней закроется дверь, кладу палец на кнопку «Проигрывать» и в этот момент чувствую невероятную слабость, которая разливается по моим пальцам, рукам, шее, и понимаю, что у меня нет сил, чтобы нажать единственную кнопку. Чтобы как-то отвлечься, бросаю пленку на коробку с кассетами – так она будет меньше мозолить глаза. Вот бы еще сделать так, чтобы вообще ничего не знать об этой коробке и семи кассетах, лежащих в ней. Когда я первый раз нажимал «Проигрывать», все было очень просто, я ведь понятия не имел, что услышу. А сейчас, когда я знаю, что на этих пленках, то боюсь услышать продолжение истории. Но пути назад нет, поэтому делаю звук потише и нажимаю-таки «Проигрывать».

...первое – вы слушаете кассеты от начала до конца; второе – передаете их дальше. Надеюсь, что выполнить это будет не так-то просто.

Итак, когда вы прослушаете все тринадцать сторон – именно столько историй я хочу вам рассказать, – перемотайте пленки на начало, сложите кассеты в коробку и передайте их тому, кто следует в повествовании за вами. А вы, счастливый тринадцатый номер, можете забрать их с собой в ад или куда-нибудь там еще, в зависимости от вашей религии. Кстати, кто знает, глядишь, мы там встретимся.

В том случае, если кто-то из вас захочет нарушить правила, знайте: я сделала копии всех записей, и если посылка не обойдет всех вас, то их услышат все жители нашего города. Поверьте, я все тщательно продумала. Хотя если задуматься, то вы мне ничего не должны. Так что решайте сами.

Нет. Не может быть, чтобы она на самом деле так думала.

Но помните: за вами следят.

У меня скрутило живот, стоит только расслабиться, как меня стошнит. Рядом на скамейке, всего в паре шагов, пластиковое ведро, если что, смогу до него дотянуться.

Я едва знал Ханну Бейкер. Несмотря на то что летом мы вместе работали в кинотеатре, а недавно на вечеринке целовались, у нас никогда не было возможности по-настоящему сблизиться, хотя мне не раз этого хотелось. Мне кажется, я не имею никакого отношения к ее смерти, непонятно, почему ко мне попали эти кассеты. Это, должно быть, ошибка... или дурацкая шутка.

Все-таки мусорное ведро надо пододвинуть поближе. Нужно еще раз проверить упаковку, должен же где-то быть написан обратный адрес. Может, я его просто не заметил? Если предсмертные записи Ханны Бейкер переходят из рук в руки, то, наверное, кто-нибудь сделал с них копию и отправил ее мне, шутки ради. Ну, ничего, завтра в школе я во всем разберусь: он либо будет смеяться надо мной, либо самодовольно ухмыльнется и отведет взгляд. И что? Что я ему сделаю? Даже не знаю.

Чуть не забыла. Если вы в моем списке, вы должны были получить карту.

Я замер в руках с упаковочной бумагой, которую собирался выбросить в мусорное ведро.

Получается, что ошибки быть не может. Я определенно в списке: пару недель назад, за несколько дней до того, как Ханна наглоталась таблеток, в мой школьный шкафчик кто-то просунул конверт. На обратной стороне красным маркером было написано: «Сохрани его – он тебе понадобится». Внутри лежала сложенная карта города с десятком красных звездочек, которыми были отмечены разные места. В начальной школе мы использовали подобные карты, чтобы учиться определять север, юг, запад и восток. Я хранил, как выясняется, карту Ханны в рюкзаке, намереваясь показать ее в школе, вдруг кто-нибудь еще получил такую же и знает, что это все значит. Но прошло время, она затерялась

где-то между тетрадями и учебниками, и я совсем о ней забыл. До этого момента.

В записях я буду упоминать некоторые места в нашем любимом городе, которые вам следует посетить. Конечно, не в моих силах заставлять вас, но если захотите получше разобраться в моей истории, то направляйтесь, куда я вам скажу. Или можете просто выкинуть карты, я все равно этого никогда не узнаю.

Рюкзак тяжестью давит на ногу: где-то на самом дне, под тетрадями, лежит карта.

А может быть, и узнаю. Я еще точно не знаю, что бывает после смерти, возможно, сейчас я стою прямо позади вас.

Наклоняюсь вперед, упираюсь локтями в верстак и кладу лицо на руки. Проводя рукой по волосам, замечаю, что они неожиданно стали влажными.

О, прошу прощения. Это было нечестно.

Что ж, пожалуй, начнем. Фоли, ты готов?

Джастин Фоли... старшеклассник. Первый поцелуй Ханны. Откуда я это знаю?

Джастин, лапочка, с тобой я впервые поцеловалась. Мы гуляли, держась за руки, ты был моим первым парнем. Я это говорю вовсе не для того, чтобы казаться подлой – совсем нет. Думаешь, наше первое свидание произошло потому, что ты этого захотел? Не совсем так: я все тщательно продумала и спланировала. Ты не знаешь, но за два года до того, когда я только перешла в старшую школу, а ты учился на год старше, я начала следить за тобой. Работая в отделе, где отслеживали посещаемость учеников, я узнала твое расписание. У меня до сих пор где-то валяется его копия, ее наверняка найдут, когда будут разбирать мои

вещи, и выкинут, решив, что это была пылкая любовь к старшекласснику, которая не имела последствий. Но так ли это?

Для меня нет. Я не случайно об этом вспомнила, все началось с нашей первой встречи.

Так где же я в этом списке? Второй? Третий? Чем дальше, тем хуже? Похоже на то. Не случайно она сказала, что счастливый тринадцатый номер может забрать эти пленки в ад.

Надеюсь, когда ты, Джастин, дослушаешь записи до конца, ты поймешь, что натворил. Это только сейчас кажется, что вроде ничего особенного не произошло, но предательство – это один из самых ужасных и непростительных поступков.

Знаю, вы не желали мне ничего дурного, уверена, что большинство из вас, скорее всего, пребывают в недоумении, почему они попали в мой список, но скоро все встанет на свои места.

Что я тебе сделал, Ханна? Потому что я сам, если честно, даже не догадываюсь, что произошло. Та ночь, если речь все-таки о ней, была такой же странной для меня, как и для тебя. Может быть, именно поэтому я вообще не понимаю, что за чертовщина творится.

Первая красная звездочка находится в квадрате В-4. Все просто: как в морском бое! В – по горизонтали и 4 – по вертикали. Когда вы дослушаете эту кассету до конца, отправляйтесь в указанное место: там стоит дом, в котором мы прожили совсем недолго, лето после нашего переезда в этот город, перед моим поступлением в старшую школу. Здесь я впервые увидела тебя, Джастин. Может, ты вспомнишь. Ты тогда был влюблен в мою подругу Кэт. Если честно, она была моей единственной подругой, я тогда больше никого в городе не знала, а она жила по соседству, вот мы и подружились. До начала занятий было еще два месяца, и мы с Кэт много времени проводили вместе. Она рассказывала, что весь год ты не отходил от нее ни на шаг, ей даже казалось, что ты ее

преследовал, случайно сталкиваясь в школьных коридорах, постоянно находясь где-то рядом. Это что, действительно было случайно?

На дискотеке в конце учебного года ты наконец нашел в себе силы пригласить Кэт танцевать. Вы протанцевали вместе все медленные танцы, и она сказала, что собирается разрешить тебе поцеловать себя. Первый поцелуй в ее жизни. Какая честь!

Истории, должно быть, будут изобличать людей. Это единственная причина, по которой кассеты переходят из рук в руки, а не оказываются в помойке. Все боятся разоблачения. Ханна зачем-то хотела, чтобы мы все услышали, что она хочет нам сказать. И мы сделаем то, что она говорит, передадим записи дальше, только чтобы их не увидели те, кого нет в ее списке. «Список». Звучит как закрытый тайный клуб. И по какой-то причине я стал его членом.

Мне хотелось узнать, как ты выглядишь, Джастин, поэтому мы позвонили тебе и попросили зайти. Мы звонили от меня, потому что Кэт не хотела, чтобы ты знал, где она живет... по крайней мере, пока не хотела...

У тебя была тренировка – не помню, то ли баскетбол, то ли бейсбол, сейчас уже неважно, – поэтому ты мог зайти, только когда она закончится. Нам ничего не оставалось, как ждать.

Баскетбол! Тем летом многие тренировались, чтобы, перейдя в старшую школу, сразу попасть в запасные школьной команды. Джастин уже прошел этот этап и сейчас, на второй год обучения, рассчитывал на место в основном составе. Поэтому многие из нас играли с ним, надеясь чему-нибудь научиться. И кое-кто научился. В то время как другие, к сожалению, нет.

Мы сидели около окна и болтали, когда вдруг на улице появился ты с другом – привет, Зак!

Зак? Зак Дэмпси? Единственный раз, когда я видел Зака с Ханной, это ночь, когда мы с ней познакомились.

Перед моим прежним домом был перекресток в виде перевернутой буквы «Т». Так вот, вы шли прямо по центру дороги, перпендикулярно моему дому.

Так-так... Подождите, мне нужно подумать. Чтобы сосредоточиться, ковыряю засохшее пятно оранжевой краски на верстаке. Интересно, почему я вообще это слушаю? Зачем я в это ввязался? Почему просто не вытащить кассету из магнитофона и не выкинуть всю коробку в мусорное ведро? С трудом сглатываю, в уголках глаз собираются слезы. Это все из-за голоса Ханны, который, я думал, уже никогда не услышу. Не могу просто взять все и выбросить. И еще из-за этих дурацких правил. Ханна говорит, что сделала копии всех пленок, а может, нет? Вдруг, если я не передам их дальше, то все закончится и никаких последствий не будет? Но что, если в этих записях есть что-то, что может мне повредить? Что, если это все не шутка? Тогда появится второй комплект кассет, и все услышат, что на них записано... Пятно краски отслаивается как корка... Кто рискнет проверить слова Ханны на подлинность?

Ты перешагнул через сточную канаву и ступил на газон. Мой отец все утро усердно его поливал, поэтому трава была мокрой. Ты поскользнулся и упал. Закшел, уставившись в окно, пытаюсь получше рассмотреть новую подругу Кэт – вашу покорную слугу, – и споткнулся о тебя, упав рядом. Ты оттолкнул его и встал, после чего он тоже поднялся. На долю секунды вы замерли в недоумении, что делать дальше, после чего бросились бежать прочь от дома. Кто из вас решил, что это будет лучшим выходом из ситуации? Мы с Кэт смеялись как сумасшедшие, стоя около окна.

Я помню этот случай, Кэт рассказала мне о нем тем летом на вечеринке по поводу ее предстоящего отъезда. Ей произошедшее казалось очень забавным. На той вечеринке я впервые увидел Ханну Бейкер. О боже! Я думал, что она

такая милая, и к тому же только переехала в наш город. У меня не очень хорошо складывались отношения с противоположным полом, но рядом с ней, мне казалось, я смогу стать другим, улучшенным Клэем Дженсенем, старшекласником Клэем Дженсенем.

Кэт переехала до того, как мы пошли в школу, а я влюбилась в парня, который остался после нее. Прошло немного времени, как этот парень начал проявлять ко мне интерес, не исключено, из-за того, что я все время была поблизости. У нас не было общих уроков, но первый, четвертый и пятый уроки проходили в соседних кабинетах. Пятый урок у меня был плавающим, но даже когда его не было, я всегда дожидалась тебя в коридоре.

На вечеринке Кэт, несмотря на то что было довольно холодно, все тусовались во внутреннем дворике. И конечно, я забыл куртку дома.

Через какое-то время я смогла сказать тебе «привет», и вскоре ты начал отвечать на мое приветствие. Затем однажды я молча прошла мимо тебя. Я знала, что ты не сможешь этого стерпеть – так мы впервые заговорили.

Хотя нет, все было не совсем так. Я нарочно оставил куртку дома, потому что хотел, чтобы все увидели мою новую рубашку. Каким же я был идиотом!

– Привет! – сказал ты. – Ты не хочешь со мной поздороваться?

Я улыбнулась, перевела дыхание и обернулась:

– А что, я должна?

– Ну, ты же всегда здороваешься.

Я спросила, почему ты думаешь, что так хорошо меня знаешь.

На вечеринке Кэт во время моего первого разговора с Ханной я наклонился, чтобы зашнуровать ботинок, но у меня никак не получалось: пальцы онемели от холода, и я не мог справиться со шнурком. Ханна, что делает ей честь, предложила мне помочь, но я, конечно, ей не позволил. Вместо этого я ждал, пока Зак включится в нашу неловкую беседу, а я смогу сбежать в дом, чтобы отогреть пальцы в воде. Я был очень смущен.

Когда я спрашивала маму, как привлечь внимание мальчиков, она мне всегда говорила: «Притворяйся, что тебя сложно добиться». Так я и поступала, уверена, это сработало. Теперь ты дожидался меня после занятий, но все никак не мог решиться попросить мой телефон, хотя я знала, что рано или поздно это произойдет, поэтому тренировалась, как произнесу заветные цифры – со спокойствием и уверенностью в себе, как будто мне действительно все равно, как если бы я давала телефон по сто раз на дню. Да, мальчики в моей прежней школе спрашивали мой номер, но здесь, в новой школе, ты был первым. Вернее, нет, не совсем так. Ты бы первым, кто в результате получил телефон. Не то чтобы я не хотела его никому говорить раньше. Просто была осторожной: новый город, новая школа – на этот раз я собиралась следить за тем, какое впечатление произвожу на людей. В конце концов, как часто вам выпадает второй шанс? Когда у меня прежде спрашивали номер, я называла правильно все цифры, кроме последней. Я пугалась и все портила... как бы невзначай.

Кладу рюкзак на колени и расстегиваю большой карман.

Когда ты записывал мой телефон, я очень сильно разволновалась, но к счастью, ты тоже нервничал, поэтому ничего не заметил. Когда я наконец произнесла последнюю цифру – правильную цифру! – я улыбнулась так широко и лучезарно, как только могла. У тебя так тряслись руки, что я испугалась, что ты сейчас сомнешь листочек, а это в мои планы не входило.

Вот уже карта Ханны на верстаке.

Я показала на цифру, которую ты написал:

– Тут должно быть «семь».

– Это и есть «семь».

С помощью деревянной линейки разглаживаю на карте замятины.

– А-а-а. Ну, хорошо, если у тебя это «семь».

– Это «семь», – сказал ты, но все-таки подправил цифру, чтобы она стала четче.

Я все теребила манжет блузки и была практически готова промокнуть им выступивший у тебя на лбу пот... как сделала бы моя мама. Но слава богу, я удержалась. Ты бы тогда больше никогда не спросил ни у одной девочки телефонный номер.

Из-за боковой двери мама крикнула мое имя. Я сделал звук тише, готовый в любой момент нажать на кнопку «Стоп».

– Да?

К тому времени, когда я добралась домой, ты мне уже звонил. Дважды.

– Не хочу тебя отвлекать, – говорит мама, – но мне нужно знать, будешь ли ты с нами ужинать.

Мама спросила, кто ты такой, я ответила, что одноклассник, скорее всего, звонил по поводу домашней работы. И она сказала, что ты сообщил ей то же самое.

Смотрю на первую красную звездочку. В-4. Я знаю, где это. Но нужно ли мне туда идти?

Я не могла в это поверить. Джастин, ты обманул мою маму. Так почему же это меня так развеселило?

– Нет, – говорю я. – Пойду к другу. Помогу с его проектом.

Так как наша ложь совпала, это стало знаком.

– Хорошо, – говорит мама. – Оставлю твою долю в холодильнике, сможешь разогреть позже.

Мама спросила, какой у нас общий предмет, я сказала, что математика, в чем в общем-то было немного правды. У нас обоих была математика. Только не вместе. И разные направления.

– Понятно, – согласилась мама. – Он мне так и сказал.

Я обвинила ее в том, что она не доверяет собственной дочери, забрала листочек бумаги, на котором она записала твой телефон, и побежала наверх.

Я пойду туда. К месту, отмеченному первой звездочкой. Но прежде чем я дослушаю до конца эту сторону первой кассеты, мне нужно зайти к Тони.

Тони никогда не менял автомагнитоу, у него до сих пор стоит кассетная. Это, утверждает он, позволяет ему решать, какая музыка будет играть в его машине. Когда он одалживает машину и в магнитоу пытаются поставить диски, то он всегда говорит: «Формат не тот». Так что в его машине, что бы ни случилось, всегда звучит только та музыка, которая ему нравится.

Когда ты подошел к телефону, я сказала:

– Джастин? Это Ханна. Мама говорит, ты звонил, у тебя какие-то вопросы по математике.

Тони водит старый «Мустанг», который достался ему от старшего брата, тот получил машину от отца, которому, вероятно, она перешла от деда. В школе мало таких парочек, чьи чувства сравнимы с чувствами Тони к его машине.

Я тебя озадачила, но в конце концов ты вспомнил, что наврал моей маме, и, как хороший мальчик, извинился.

Мы с Тони не близкие друзья, однако не раз вместе делали школьные проекты, поэтому я знаю, где он живет. И что самое важное, у него есть плеер, который проигрывает кассеты. Желтенький, с маленькими пластиковыми наушниками. Уверен, он сможет мне его одолжить. Я возьму с собой несколько пленок и послушаю их, пока буду идти к старому дому Ханны, который находится всего в квартале от дома Тони.

– Итак, Джастин, что у тебя там с математикой? – спросила я. Ты так просто не отделаешься, решила я для себя.

Или, может быть, я пойду куда-нибудь еще. Туда, где никого не будет. Слушать кассеты здесь просто невозможно. Не то чтобы я боюсь, что мама или папа узнают голос в динамиках, дело в том, что мне нужно пространство. Пространство, чтобы я смог свободно дышать.

Но ты не пропустил удар. Ты сказал, что поезд А отходит от твоего дома в 15.45. Поезд Б отходит от моего дома на десять минут позже.

Ты не мог этого видеть, Джастин, но я подняла руку, как будто была в школе на уроке, а не у себя дома.

– Вызовите меня, мистер Фоли, – сказала я. – Я знаю ответ.

Когда ты произнес мое имя – «Да, мисс Бейкер?» – я выкинула мамино правило о недоступности в окно. Я сказала, что два поезда встретятся в парке Эйзенхауэра у подножия горки, построенной в виде ракеты.

Что Ханна в нем нашла? Я никогда этого не понимал. Даже она признавалась, что не может дать ответ на этот вопрос. Но для среднестатистического парня слишком много девочек были влюблены в Джастина. Конечно, он достаточно высокий. И возможно, они находят его интересным. Он все время выглядывает из окон, что-то пристально рассматривая.

Длинная пауза на твоём конце провода, Джастин. И я говорю об о-о-очень длинной паузе.

– Так когда поезда встретятся? – спросил ты.

– Через 15 минут, – ответила я.

Ты сказал, что 15 минут – это невероятно долго для двух поездов, идущих на полной скорости.

Вау. Притормози, Ханна.

Я знаю, что вы все думаете. Ханна Бейкер – шлюха. Упс. Вы слышали это. Я сказала: «Ханна Бейкер...» Не могу произнести это снова.

Она замолчала.

Я пододвинул табурет ближе к верстаку. Из динамиков раздавался какой-то шелест. Потом шипение, мягкий равномерный шум.

О чем она сейчас думает? Ее глаза закрыты? Она плачет? Ее пальцы на кнопке «Стоп» в надежде, что у нее хватит сил нажать ее? Что она делает? Я не могу услышать!

Это неправда.

Ее голос стал злым. Даже пугающим.

Ханна Бейкер никогда не была и не будет шлюхой.

Я просто мечтала о первом поцелуе. Я уже начала учиться в старшей школе, но никогда не целовалась. Никогда. Но мне нравился мальчик, и я нравилась ему, так почему же мы не могли поцеловаться? Вот и вся история.

Мне кажется, я слышал какую-то другую версию произошедшего.

В течение нескольких ночей до нашей встречи в парке мне снился один и тот же сон. Совершенно одинаковый. С начала до конца. И чтобы развлечь вас, я его сейчас перескажу.

В городе, где я жила раньше, был парк, чем-то похожий на парк Эйзенхауэра. Там тоже была горка в виде ракеты. Уверена, их делали на одном заводе, потому что они были похожи, как братья-близнецы. Красный нос указывает в небо. Между носом и килем три платформы, связанные тремя лестницами. На верхнем уровне штурвал. На среднем – горка, которая ведет вниз к игровой площадке.

Часто вечерами, перед моим первым днем в новой школе, я поднималась наверх ракеты в парке Эйзенхауэра и клала голову на штурвал. Ночной ветер сквозил через арматуру, охлаждая меня. Я закрывала глаза и думала о доме.

Я поднимался на эту ракету всего один раз. Мне тогда было пять лет. Просунув голову через железки, я кричал, плакал и ни в какую не соглашался спуститься

вниз. Отец был слишком большим, чтобы пролезть ко мне, поэтому ему пришлось вызвать пожарных. Должно быть, их часто туда вызывали, потому что несколько недель назад городские власти объявили, что собираются закрыть горку.

Наверное, поэтому в моих мечтах мой первый поцелуй должен был состояться на ракете. Это напоминало мне о моем детстве, невинности. И я хотела, чтобы мой первый поцелуй был именно таким. Невинным.

Возможно, поэтому она не отметила звездочкой парк. К тому моменту, когда кассеты дойдут до последнего адресата, ракеты уже, скорее всего, не будет.

Итак, вернемся к моим снам, которые начались в ночь после того, как ты в первый раз дождался меня после окончания уроков. Тогда я узнала, что нравлюсь тебе.

Ханна сняла блузку и разрешила Джастину залезть ей в лифчик. Точно. Вот что, насколько мне было известно, произошло в парке.

Хотя стоп. Зачем ей делать это в центре парка?

Сон начинается с того, что я стою наверху ракеты, держась за штурвал. Это все та же игрушечная ракета на детской площадке, но каждый раз, когда я поворачиваю штурвал налево, деревья в парке вытаскивают из-под земли свои корни и делают шаг влево. Когда я поворачиваю направо, они отступают вправо.

Затем я слышу твой голос, зовущий меня снизу:

– Ханна! Ханна! Прекращай играть с деревьями и спускайся ко мне.

Я оставляю штурвал и спускаюсь с верхней платформы на среднюю. Но когда я оказываюсь на ней, мои ноги неожиданно вырастают, и я уже не могу пролезть

вниз, на землю.

Ноги вырастают? Серьезно? Я не специалист по толкованию сновидений, но, может, ей было интересно, насколько большой у Джастина...

Я просовываю голову в отверстие, откуда начинается горка, и кричу:

– У меня слишком большие ноги. Ты все еще хочешь, чтобы я спустилась вниз?

– Я люблю большие ноги, – отвечаешь ты. – Спускайся по горке. Я тебя поймаю.

Поэтому я сажусь на горку и отталкиваюсь. Ветер дует мне в лицо, а ноги создают сопротивление, поэтому я качусь очень медленно. В тот момент, когда я подъезжаю к земле, я замечаю, что у тебя невероятно маленькие ноги. Совершенно неправдоподобные.

Я знал!

Тыходишь к концу горки. И, когда я спрыгиваю, мои ножищи не наступают на твои маленькие ножки.

– Видишь? Мы созданы друг для друга, – говоришь ты.

Затем ты наклоняешься, чтобы поцеловать меня. Твои губы все ближе и ближе... и... я просыпаюсь.

Каждую ночь в течение недели я просыпалась в один и то же момент – прямо перед поцелуем. Но сейчас, Джастин, я собиралась наконец встретиться с тобой. В парке. Внизу горки. И черт побери, ты меня поцелуешь, хочешь ты этого или нет. И неважно, понравится ли это тебе.

Ханна, если ты целовалась тогда так же, как на вечеринке, поверь мне, ему должно было понравиться.

Я велела тебе ждать меня там через 15 минут. Конечно, я специально назначила такое время, чтобы быть уверенной, что успею добраться до ракеты быстрее тебя. К тому моменту, когда ты только войдешь в парк, я хотела уже быть внутри ракеты и спускаться вниз, как в моем сне. И все было именно так, как мне представлялось... кроме танцующих деревьев и странных ног.

С моего наблюдательного пункта у штурвала наверху ракеты я увидела тебя в дальнем конце парка. Ты сверялся с часами каждые несколько секунд и шел в направлении горки, осматриваясь по сторонам. Я «крутила» штурвал так сильно, как могла, чтобы он затрещал. Ты сделал шаг назад, посмотрел вверх и позвал меня. Не переживай, несмотря на то что я хотела пережить свой сон, я не ожидала, что ты будешь знать все до мелочей и попросишь меня перестать играть с деревьями и спускаться вниз.

– Сейчас буду, – сказала я.

Но ты велел мне оставаться на месте. Ты хотел сам подняться ко мне. Поэтому я закричала в ответ:

– Не надо! Я хочу скатиться с горки.

Тогда ты повторил эти магические слова, как во сне:

– Я ловлю тебя.

Это определенно круче, чем мой первый поцелуй. Это было в седьмом классе, с Андреа Уильямс, за спортзалом, после окончания занятий. Она подошла к моему столу во время ланча, прошептала на ухо предложение встретиться после уроков, и весь оставшийся день я был сильно возбужден.

Когда мы закончили целоваться, она отвернулась и убежала, оставив у меня на губах клубничный блеск. Я обошел спортивный зал и увидел двух ее подружек, каждая давала ей по пять долларов. Я не мог в это поверить! Мой первый

поцелуй оказался всего-навсего десятидолларовым спором.

Хорошо она со мной поступила или плохо? Тогда я решил, что плохо. Но ее клубничный блеск для губ остался у меня в памяти.

Я все продолжала улыбаться, пока спускалась по лестнице вниз, на вторую платформу. Когда я села на горку, мое сердце колотилось как сумасшедшее. Все было именно так, как я себе представляла. Все мои прежние друзья впервые поцеловались в средней школе. А мой поцелуй ждал меня внизу горки. Все, что мне нужно было сделать, – спуститься.

И я это сделала.

Знаю, это было не совсем так, но в моих воспоминаниях все сохранилось в замедленном действии. Толчок. Скольжение. Мои волосы, летящие за мной. Ты раскрываешь руки, чтобы поймать меня. Я раскрываю свои, чтобы попасть тебе в объятия.

Так когда ты решил поцеловать меня, Джастин? Это произошло, когда ты шел по парку? Или когда я соскользнула тебе в руки?

О'кей, кто хочет узнать, что я подумала во время своего первого поцелуя? Итак, слушайте: «Кто-то ел хот-дог».

Неплохо, Джастин.

Прошу прощения. Все было не так плохо, но такой была моя первая мысль.

Мне все-таки кажется, что клубничный блеск для губ приятнее, чем хот-дог.

Я так переживала, как все пройдет, каким будет мой первый поцелуй, потому что мои прежние подруги рассказывали, что поцелуи бывают разных видов – мой

оказался прекрасным. Ты не совал мне в рот язык. Не хватал меня за попу. Мы просто соединили губы... и поцеловались.

Вот и все.

Подождите. Постойте. Не перематывайте назад. Не стоит слушать все сначала, потому что вы ничего не пропустили. Все было в точности так, как я рассказала. Давайте я повторю. Вот... и... все... что случилось.

Что? Вы слышали о чем-то еще?

Меня прошиб озноб.

Да, я слышал. Мы все слышали.

Хорошо, вы правы. Кое-что еще произошло. Джастин взял меня за руку, мы гуляли, наслаждаясь друг другом. Затем он снова меня поцеловал. Точно так же. А затем? Затем, Ханна? Что случилось после?

После... мы разошлись. Он пошел в одну сторону. А я – в другую.

Ох. Прошу прощения. Вы ожидали чего-то более сексуального, не так ли? Вы хотели услышать, как мои маленькие шаловливые пальчики начали играть с его ширинкой. Вы хотели услышать...

Хорошо, так что вы хотели услышать? Потому что я слышала так много историй, что даже не знаю, какая из них самая популярная.

Правда.

Сейчас правда – это единственное, что вы не забудете.

Я и сейчас помню, как Джастин болтал в школе с друзьями. Как Ханна прошла мимо и вся группа замолкла. Они отвели глаза. А когда она удалилась, они

начали смеяться.

Почему я это запомнил?

Потому что я столько раз хотел поговорить с Ханной после вечеринки по поводу отъезда Кэт, но слишком стеснялся. Слишком всего боялся.

В тот день я подумал, что эта компания знает о Ханне что-то еще, чего я не знаю. Позже я услышал, что она позволила парню лапать ее прямо в центре парка, около детской горки. А так как она была новенькой, то эти слухи стали основой ее имиджа.

Я рассудил, что Ханна круче меня, что она слишком опытная в сравнении со мной. И испугался подойти к ней.

В любом случае, спасибо тебе, Джастин. Это я говорю совершенно искренне. Мой первый поцелуй был прекрасным. И в течение месяца или около того, что мы встречались, ты замечательно целовался. Ты вообще был чудесным.

Но затем ты начал хвастаться.

Прошла неделя, я ничего не слышала. Но неожиданно, как это всегда бывает со слухами, они дошли до меня. Все в школе знали, что ты не будешь болтать без повода.

Знаю, что ты думаешь. Пока я рассказывала историю, я все время думала только об одном. О поцелуе. Ты же решил извлечь из ситуации выгоду для улучшения своей репутации среди друзей. Так и появился этот слух, основанный на невинном поцелуе.

Ты думал, что никакого вреда от этого не будет. Но нет. Этот слух разрушил воспоминания, которые, я надеялась, будут особенными. Из-за него у меня сложился такой имидж, с которым я уже ничего не могла поделать. И так получилось, что этот слух стал основой для снежка, который вырастет до снежного кома. Это было только началом.

Поменяйте кассету, чтобы узнать больше.

Я дошел до магнитофона, чтобы нажать на «Стоп».

И, Джастин, лапочка, не уходи. Ты не поверишь, но твое имя всплывет еще раз.

Я потянулся к кнопке, слушая мягкий шум из динамиков и слабое попискивание валиков, крутящих пленку, ожидая, что ее голос вернется. Но этого не произошло. Конец истории.

Вот я и у Тони. Его «Мустанг» припаркован на тротуаре около дома. Капот открыт, а они с отцом склонились над двигателем. Тони держит маленький фонарик, а отец что-то подтягивает гаечным ключом.

– Что-то сломалось? – спрашиваю я. – Или просто развлекаетесь, осматривая свою лошадку?

Тони оборачивается, видит меня и роняет фонарик:

– Черт!

Его отец выпрямляется, вытирает масляные руки об испачканную футболку.

– Шутишь? Для нас это всегда развлечение. – Он смотрит на Тони и подмигивает. – А если происходит что-то серьезное, то это развлечение вдвойне.

Нахмурившись, Тони лезет за фонариком.

– Пап, помнишь Клэя?

– Конечно, – отвечает отец. – Рад видеть тебя снова.

Он не спешит пожать мне руку, а я, глядя на масло на его ладонях, тоже не протягиваю ему свою.

– Ты как-то ужинал у нас, – говорит отец Тони. – Еще постоянно говорил «пожалуйста» и «спасибо».

Я улыбаюсь.

– После того как ты ушел, жена целую неделю твердила нам с сыном, что нужно быть более вежливыми.

Ну, что я говорил, все взрослые меня любят.

– Угу, это он, – говорит Тони. Он вытирает руки тряпочкой. – Так что случилось, Клэй?

Повторяю про себя его слова. Что случилось?

Ах да, если уж ты спросил, сегодня по почте я получил коробку с кассетами от девочки, которая совершила самоубийство. Вероятно, я должен их послушать, поэтому мне хотелось бы одолжить у тебя плеер.

– Ничего особенного.

Его отец спрашивает, не мог бы я сесть в машину и завести ее, пока они будут смотреть, как работает двигатель.

– Ключи в стартере.

Бросаю рюкзак на пассажирское сиденье и залезаю на место водителя.

Тони стоит рядом, наблюдая за мной. Когда наши взгляды пересекаются, он как-то странно смотрит на меня. Он что, знает?

– Тони, – обращается к нему отец. – Посвети сюда.

Тони прекращает таращиться на меня и наклоняется к двигателю. Но я вижу, что он постоянно косится в мою сторону.

Что, если он тоже упомянут в записях? Вдруг он идет в списке Ханны прямо передо мной? Может, это он отправил мне посылку?

О боже, я теряю самообладание. Может быть, он вообще ничего не знает. Скорее всего, я просто выгляжу виноватым или что-то типа того, поэтому он так на меня и смотрит.

Рядом со мной, за пассажирским сиденьем, на полу валяется плеер. Вокруг него аккуратно обмотаны провода от наушников. Что же придумать? Как объяснить, зачем он мог мне понадобиться?

– Тони, возьми гаечный ключ и отдай мне фонарик, – говорит его отец. – Ты его сильно трясешь, я не могу ничего рассмотреть.

Они обмениваются фонариком и гаечным ключом, и в этот момент я хватаю плеер. Вот так просто. Без лишних мыслей и объяснений. Средний карман моего рюкзака открыт, поэтому я засовываю в него плеер и застегиваю на молнию.

– Клэй, заводи! – кричит отец Тони.

Поворачиваю ключ, и двигатель заводится. Отец Тони улыбается, как человек, который получает удовольствие от того, что сделал.

– Немного подтянул – и как она заурчала, – говорит он, склонившись над двигателем. – Можешь глушить, Клэй.

Тони захлопывает капот.

– Увидимся дома, пап.

Отец кивает, поднимает металлическую коробочку с инструментами и идет в гараж. Надеваю рюкзак на одно плечо и вылезаю из машины.

– Спасибо, – говорит Тони. – Если бы не ты, я бы застрял тут на всю ночь.

Я просовываю руку во вторую лямку рюкзака и надеваю его как следует.

– Мне нужно было выбраться из дома, – говорю я. – Мать совсем достала.

– Понимаю. – Тони смотрит в сторону гаража. – Мне вот тоже нужно делать домашнее задание, а отец хочет, чтобы мы покопались под капотом.

Свет в уличном фонаре гаснет.

– Так зачем ты пришел, Клэй?

Всем телом ощущаю тяжесть плеера в рюкзаке.

– Просто шел мимо, увидел тебя и заглянул поздороваться.

Его взгляд как-то странно застыл на мне, словно он не верит тому, что я говорю, поэтому я отворачиваюсь.

– Я собираюсь в кафе «У Розы». Тебя подвезти?

– Спасибо, мне тут недалеко.

Он засовывает руки в карманы.

– Куда идешь?

Боже, надеюсь, его нет в списке. Но что, если есть? Что, если он уже прослушал пленки и знает, о чем я сейчас думаю? Что, если он знает, куда я иду? А вдруг он должен будет получить посылку после меня? В этом случае он наверняка потом вспомнит этот наш разговор и мое нежелание что-либо ему говорить.

– Так, никуда, – отвечаю и тоже засовываю руки в карманы. – Ну, хорошо, тогда до завтра.

Он молчит, просто смотрит, как я ухожу. А я все жду, как он воскликнет: «Эй, где мой плеер?» Но нет. Что ж, мне удалось совершить идеальный побег с места преступления.

На первом же перекрестке сворачиваю направо и слышу, как заводится «Мустанг» и как Тони отъезжает от дома и проезжает позади меня. Я снимаю рюкзак, ставлю его на землю, достаю плеер, аккуратно разматываю провод и засовываю желтые наушники в уши. В рюкзаке первые четыре кассеты, это на одну или две больше, чем я успею послушать до вечера. Остальные я оставил дома. Открываю маленький карман, достаю первую кассету и засовываю ее в плеер на сторону Б.

Кассета 1. Сторона Б

С возвращением. И спасибо, что остаетесь с нами.

Нахожу плеер в кармане куртки и делаю звук погромче.

Если вы слушаете эти записи, это означает одно из двух: либо вы Джастин и хотите услышать, чья история последует за вашей, либо вы кто-то еще и ждете, вдруг сейчас речь пойдет о вас. Ладно-ладно, не буду больше мучить...

Около волос выступил пот.

Алекс Стендал, твой выход.

Со лба на висок стекает тоненькая струйка пота. Прوماкиваю ее рукавом куртки.

Уверена, ты понятия не имеешь, как тут оказался. Вероятно, ты думаешь, что сделал все правильно. Ты назвал меня Лучшей задницей среди первокурсниц. Как кто-то может на это злиться? Ну, так послушай.

Сажу на обочине, опустив ноги в сточную канаву. Несколько травинок пробились через цемент. По обеим сторонам дороги уже зажглись фонари, хотя солнце только начинает опускаться за крыши домов и макушки деревьев.

Во-первых, Алекс, если ты думаешь, что я очередная глупая маленькая девочка, которая ко всему относится слишком серьезно, никто не заставляет тебя слушать. Уверена, тебе не очень приятно, что я выставляю на всеобщее обсуждение твои мысли о моей заднице, но мне-то уже все равно, верно?

Люди в домах вокруг заканчивают ужинать. Возможно, кто-то уже складывает тарелки в посудомоечную машину. Или занимается домашними делами. Для этих семей это самый обычный вечер.

Я могу назвать целый список людей, кому тоже не хотелось бы, чтобы эти кассеты стали достоянием общественности.

Пожалуй, начнем.

Согнувшись вперед, я обхватываю себя за ноги и кладу лоб на колени.

Помню, как сидела на втором уроке, когда появился твой список. Мисс Штрум, очевидно, хорошо провела выходные, потому что пришла на урок совершенно неподготовленной. Она включила нам один из ее любимых скучнейших документальных фильмов. Уже не помню, о чем шла речь, но у рассказчика был хриплый голос и британский акцент. Я вертела в руках старый кусочек изоленты, приклеенный к парте, чтобы занять себя хоть чем-то и не уснуть. Для меня голос диктора был не больше чем фоновым шумом.

Ах да, еще перешептывания. Но когда я оборачивалась, все почему-то смолкали. Но я видела, как из рук в руки по рядам переходит какой-то листок. Наконец он дошел до парты позади меня, за которой сидел Джимми Лонг. Это сложно было не заметить, потому что, когда Джимми обернулся, чтобы взять листок, стул под ним так заскрипел, что казалось, развалится. Все, кто был в классе тем утром, говорят, что Джимми постоянно бросал подлые взгляды на мою спину. Он прошептал:

– Спорю, так и есть.

Я сильнее сжал колени. Болван Джимми – такое прозвище он получил в школе.

Кто-то прошептал:

– Ты идиот, Болван.

Я обернулась, но у меня не было настроения перешептываться.

– Что так и есть? – переспросила я.

Джимми ухмыльнулся и бросил взгляд на листок, лежавший перед ним. Вновь раздались крики «идиот» – на этот раз они доносились из разных концов класса, как будто никто не хотел, чтобы я узнала, над чем они смеются.

Впервые этот список попал ко мне на уроке истории, в нем было несколько имен, которых я не знал. Это были новички, с которыми я не общался. Но имя Ханны было мне знакомо. Помню, я даже рассмеялся, когда увидел, какую характеристику она получила. Быстро она создавала себе репутацию. Только сейчас я понимаю, что все это началось благодаря фантазии Джастина Фоли.

Я крутила головой, чтобы прочитать заголовок на листочке, который лежал вверх ногами: «Новички в старшей школе: Чики и Фрики». Когда Джимми откинулся, парта вновь заскрипела, и я знала, что мисс Штрум идет к нам, но мне нужно было найти свое имя. Мне было наплевать, почему я в этом списке.

Мне кажется, я даже не переживала, в какой части списка я оказалась. Просто было интересно узнать, что обо мне написали, если это вызвало такой резонанс. Штрум шла по проходу, готовая забрать список, а моего имени все не было. Ну, где же оно? Где? Да вот же!

Позже, тем днем, проходя мимо Ханны в коридоре, я обернулся. И был вынужден согласиться. Она определенно заслуживала этого звания.

Мисс Штрум схватила список, и я повернулась вперед. Через несколько минут, собравшись с мыслями, я бросила беглый взгляд на противоположную сторону класса. Как и ожидалось, Джессика Дэвис выглядела ужасно. Почему? Потому что прямо напротив моего имени, но в другой колонке было написано ее. Карандашом она выбивала на тетради азбуку Морзе, она покраснела. Что я подумала? Слава богу, я не знаю азбуку Морзе. Правда в том, что Джессика намного симпатичнее меня. Напишите список частей человеческого тела, и каждая из них у нее намного лучше, чем у меня.

Позволю себе не согласиться.

Все знают, что звание Худшей задницы было присвоено ей незаслуженно. Но никому не было до этого дела, потому что никто не знал, почему она оказалась в числе «фриков». Никто, кроме тебя, Алекс... меня... и Джессики.

Возможно, кто-то думает, что ты был прав, выбрав меня. Но по-моему, дело было вовсе не в моей попе. Составляя список, Алекс, ты руководствовался отнюдь не моим внешним видом, а желанием отомстить.

Выдергиваю из земли пучок травы и встаю. Рву траву на маленькие кусочки, пока она не выпадает из рук.

Но сейчас я не хочу говорить о том, почему ты это сделал, Алекс. Об этом речь пойдет позже. Давайте обратим внимание на то, как меняется отношение людей

к тебе, когда они видят твое имя в этом дурацком списке. Я хочу рассказать...

Пауза. Делаю звук погромче. Слышно, как она разглаживает листочек бумаги.

Я только что просмотрела все имена, которые вошли в мой список, вспомнила все истории, которые вы скоро услышите, и вот что подумала. Ни одно событие, о котором пойдет речь, никогда бы не произошло, если бы ты, Алекс, не внес мое имя в тот список. Все так просто.

Тебе было нужно имя, чтобы противопоставить его Джессике. И так как после истории, придуманной Джастином, у всех в школе уже сложилось обо мне определенное мнение, я была идеальным выбором, не так ли?

А снежок все продолжает катиться с горы, увеличиваясь в размерах.

Список Алекса был просто шуткой. И мне кажется, не очень удачной. Он и не думал, что все так обернется. Это нечестно.

А что насчет меня? Что я сделал? Чем я не угодил Ханне? Понятия не имею. Что обо мне будут думать другие, когда узнают, почему я попал в список Ханны? Некоторые – по меньшей мере двое – это уже знают. Изменилось ли их отношение ко мне? Думаю, что нет. Потому что мое имя не имеет ничего общего со всеми этими историями. Я в этом уверен. Я не сделал ничего плохого!

Этот рассказ не о том, почему ты это сделал, Алекс, а о том, каковы были последствия твоего поступка, а конкретно о том, как это все отразилось на мне. Ты этого не планировал, да и не смог бы, даже если бы захотел.

О господи, не могу поверить.

Первой красной звездочкой отмечен дом, где раньше жила Ханна. Вот он впереди... О, нет!.. Этого не может быть...

Я тут уже был. В ночь после вечеринки. Сейчас здесь живет пожилая семья. В ту ночь, около месяца назад, мужчина ехал на машине в нескольких кварталах отсюда. Он разговаривал с женой по телефону, когда попал аварию, врезавшись во встречную машину.

Закрываю глаза, чтобы прогнать нахлынувшие воспоминания. Не хочу это видеть, не хочу снова переживать произошедшее. Но я ничего не могу с собой поделаться, не могу отделаться от образов из прошлого. Я шел по улице и увидел две искореженные машины. У пожилого мужчины, сидевшего в одной из машин, началась истерика, он все причитал: «Я должен ей позвонить! Я должен позвонить жене!» Его телефон куда-то подевался, поэтому мы пытались ей дозвониться с моего, но у нее было занято. Видимо, она испугалась и, после того как связь оборвалась, все набирала и набирала номер мужа. По его словам, у нее плохое сердце и ей необходимо сообщить, что с ним все в порядке. Я позвонил в полицию и сказал мужчине, что еще раз попробую ей дозвониться. Но он попросил меня пойти к ней домой – они жили в паре кварталов.

Начала собираться толпа, кто-то старался помочь человеку в другой машине. Оказалось, что он учится в нашей школе и его состояние гораздо хуже, чем у пожилого мужчины. Я попросил кого-нибудь присмотреть за мужчиной до приезда «Скорой», а сам побежал успокоить его жену. Но я не знал, что раньше в этом доме жила Ханна.

Сейчас я иду в точности так же, как когда-то Джастин и Зак, – по центру улицы в направлении Т-образного перекрестка, а прямо впереди дом Ханны. Все как она описывала. Шторы на окнах, за которыми они с Кэт прятались, занавешены на ночь. Представляю, как они стояли и смотрели, как Джастин и Зак идут по дороге, ступают на мокрый газон, а затем падают друг на дружку.

Продолжаю идти вперед, пока не упрусь в тротуар, после чего пробую, насколько влажная сегодня трава. Совсем не скользко! Не понимаю, как Джастин и Зак умудрились так опозориться прямо перед ее окнами. Интересно, если бы тогда Ханна влюбилась не в Джастина, а в Зака? Джастин исчез бы из ее историй? Не распускал бы никаких слухов? Ханна была бы жива?

День, когда появился твой список, я пережила нормально. Я знала, что это шутка, и люди, стоящие в коридорах с распечатками, тоже это знали. Это была одна большая, полноценная, веселая шутка.

Но что происходит, когда кто-то говорит, что у тебя самая лучшая задница среди новичков? Позволь мне рассказать тебе, Алекс, потому что иначе ты никогда этого не узнаешь. Это позволяет людям – некоторым, особенно тупоголовым, – относиться к тебе, как будто ты вся – это одна шикарная задница.

Вам нужен пример? Отлично. Б-3 на ваших картах. Магази́нчик «Голубая капля».

Это совсем недалеко.

Понятия не имею, почему он так называется, но он всего в квартале от дома, где я жила раньше, поэтому я заходила туда, когда мне хотелось сладкого. Что означает... да-да... я заходила туда каждый день.

С улицы «Голубая капля» выглядит грязно и неухоженно, поэтому у меня никогда не было желания посмотреть, что там внутри.

Девяносто пять процентов времени «Голубая капля» пустовала. Лишь я да мужчина за прилавком. Думаю, многие даже не знают о существовании этого места, потому что оно очень маленькое и спрятано между двумя магазинами, которые закрыты с тех пор, как мы переехали. С улицы «Голубая капля» выглядит как доска для рекламы сигарет и алкоголя. А внутри? На самом деле так же, как и снаружи.

Иду мимо бывшего дома Ханны. Подъездная аллея поднимается в горку, а затем исчезает за деревянными дверьми гаража.

Самые лучшие конфеты стоят на прилавке, рядом с продавцом. Мужчина за прилавком приветствует меня звонком – дзинь-дзинь, – когда замечает, что я только вошла. Он знает, что сейчас я подойду к стойке со сладостями и обязательно что-нибудь куплю. Я всегда так делаю. Однажды кто-то сказал, что у этого продавца лицо похоже на грецкий орех. И это действительно так! Возможно, потому, что он очень много курит, или потому, что его зовут Уолли.[1 - По-английски имя Уолли звучит как первая часть слова, обозначающего грецкий орех. Здесь и далее примечание переводчика.]

Сколько я ее знал, Ханна всегда ездила в школу на голубом велосипеде. Я и сейчас могу представить, как она с рюкзаком за спиной едет по этой улице, мимо домов, деревьев, припаркованных машин, мимо меня. А я стою и смотрю, как она удаляется и наконец исчезает. Снова...

Если честно, не могу припомнить, чтобы Уолли когда-нибудь со мной разговаривал, да и вообще хоть что-то говорил. Ни приветствия, ни дружеского ворчания от него я никогда не слышала. Единственный раз он открыл рот из-за тебя, Алекс. Ну надо же.

Алекс! Точно. Вчера кто-то толкнул его в коридоре прямо на меня. Кто же это был?

В тот день, когда я вошла, как обычно прозвенел колокольчик. Дзинь-дзинь! Я выбрала конфету, не могу сказать, какую именно, потому что уже не помню.

Я поймал Алекса, чтобы он не упал, и спросил, все ли в порядке, но он проигнорировал меня, поднял рюкзак и убежал по коридору. Интересно, чем я его обидел?

Если бы я захотела, я могла бы назвать вам имя человека, который вошел, пока я искала в рюкзаке кошелек, но сейчас это не имеет никакого значения. Важно

другое: его поступок – его ужасный, отвратительный поступок – это не что иное, как результат твоих действий, Алекс. Кроме того, об этом сопляке будет еще одна история, так что пусть пока его имя останется секретом.

Вздрагиваю. Что могло случиться в этом магазине из-за списка Алекса? Нет, я не хочу этого знать, и я не хочу видеть Алекса ни завтра, ни когда-либо еще. Ни Алекса, ни Джастина, ни этого Болвана Джимми. Боже, кто еще втянут во все это?

Он ногой открыл дверь в «Голубую каплю»:

– Привет, Уолли!

Он сказал это настолько высокомерно и в то же время настолько естественно. Уверена, он уже не в первый раз обращается к Уолли так, словно выше его.

– А, Ханна, привет, – обратился он ко мне. – Не заметил тебя.

Я говорила, что стояла перед прилавком прямо напротив входа? Меня сложно было не заметить. Я одарила его улыбкой, нашла деньги и положила их в морщинистую руку Уолли. Уолли никак не отреагировал на вошедшего, не улыбнулся, не подмигнул, как он обычно приветствовал меня.

Сворачиваю за угол и иду в направлении «Голубой капли». Удивительно, как меняется город, достаточно только повернуть: позади остались дома, в которых, очевидно, живут представители среднего класса, – не слишком большие, не слишком модные. А впереди – более бедная часть города, здесь дома стоят почти впрыток друг к другу.

– Привет, Уолли, угадай, что я хочу тебе сказать.

Я ощутила его дыхание прямо за своей спиной. Я повесила рюкзак на крючок около прилавка, чтобы было удобнее застегнуть молнию. Уолли смотрел, как я пытаюсь справиться с молнией. И в этот момент стоявший позади меня парень

шлепнул меня по попе и сказал:

– Это лучшая задница среди новичков старшей школы, Уолли. И ее обладательница стоит прямо здесь – в твоём магазине!

Хех, да, я могу представить массу парней, которые поступили бы так же.

Было ли мне обидно? Нет. Но это не так уж важно, потому что вопрос в том, имел ли он право так поступить? И ответ, я надеюсь, очевиден не только для меня.

Я убрала его руку и отвесила ему пощечину. Неплохо получилось. Думаю, девушки, вам есть чему у меня поучиться.

И в этот момент Уолли вылез из своей раковины и издал звук. Нет, его рот по-прежнему оставался закрытым. Все, что он сделал, это пощелкал языком, но даже это меня удивило.

Вот она – неоновая вывеска магазинчика «Голубая капля».

В такое время в этом квартале открыты всего два магазина: «Голубая капля» и напротив нее – «Кино днем и ночью». «Голубая капля» несколько не изменилась с тех пор, когда я видел ее в последний раз, – грязная витрина, на стенах и дверях та же реклама пива и сигарет.

Когда я вошел, прозвенел звонок, точно такой, как описывала Ханна. Придерживаю дверь, чтобы она не захлопнулась.

– Могу вам чем-нибудь помочь?

Даже не глядя, я понимаю, что это не Уолли. Но почему я разочарован? Я ведь пришел не для того, чтобы встретиться с Уолли. Продавец снова обращается ко мне, на этот раз громче:

– Чем могу помочь?

Не могу заставить себя посмотреть в сторону прилавка, потому что я непременно увижу там Ханну. В самом конце магазина стоят холодильники с напитками, и, несмотря на то что мне совсем не хочется пить, я иду к ним. Открываю дверцу и беру первое, что попадает под руку, – апельсиновую газировку. Затем прохожу к кассе и достаю кошелек. Прямо передо мной стойка с конфетами, теми, которые так нравились Ханне. У меня начинает подергиваться глаз.

– Это все? – спрашивает продавец.

Я ставлю газировку и смотрю вниз, потирая глаза. Боль начинается где-то над глазами и проникает вглубь, за брови.

– Там, за вами, есть еще, – говорит продавец. Он, очевидно, думает, что я разглядываю конфеты.

Я беру шоколадный батончик и кладу его рядом с напитком. Затем достаю несколько долларов и расплачиваюсь.

Дзинь-дзинь!

Он возвращает мне пару монет, и я замечаю пластиковый бейджик, прикрепленный к кассе. На нем написано «Уолли».

– Он все еще здесь работает?

– Уолли? – спрашивает продавец. – У него дневная смена.

Когда я выхожу, колокольчик звенит снова.

Надеваю рюкзак на плечо и собираюсь уходить. Проходя мимо, я вроде даже шепчу что-то вроде извинения. Я уже видела впереди дверь, когда он схватил меня за руку и повернул к себе. Он назвал меня по имени, а когда я посмотрела ему в глаза, то поняла, что он не собирается шутить. Я попыталась вырваться, но он держал меня очень крепко.

Напротив, через дорогу, мигает неоновая вывеска «Кино днем и ночью». Я знаю, о ком говорит Ханна. Я уже видел этот трюк с захватом рук. И каждый раз, когда это происходит, мне хочется схватить этого мерзкого типа за шиворот и не отпускать, пока он не освободит девушку из своей хватки. Но вместо этого я каждый раз притворяюсь, что ничего не замечаю. Да и какой, собственно, от меня толк. Он в разы сильнее меня.

Затем это ничтожество отпустило меня и положило руку мне на плечо.

– Это просто игра, Ханна. Расслабься.

Хорошо, давайте проанализируем, что только что произошло. Я думала об этом всю дорогу домой, наверное, поэтому и не запомнила, какую конфету купила в тот день.

Я сижу на тротуаре перед «Голубой каплей», рядом стоит бутылка апельсиновой газировки, шоколадный батончик лежит на коленке. У меня совершенно нет аппетита. Тогда зачем я все это купил? Только ли потому, что Ханна покупала конфеты в этом же магазине? И почему это так важно? Я сходил к месту, отмеченному первой звездочкой и второй. Мне не нужно ходить всюду, куда она велит, и делать то, что она говорит.

Сначала его слова – потом его поведение.

Утверждение номер один: «Это просто игра, Ханна». Перевод: «Твоя задница – это моя игрушка. Ты, наверное, думаешь, что твоя задница принадлежит только тебе, но это не так. По крайней мере, когда все знают, что она у тебя такая клевая. Так что позволь всем вдоволь с ней наиграться».

Я начинаю качать шоколадку на колене.

Утверждение номер два: «Расслабься».

Перевод: «Да ладно, Ханна, все, что я сделал, это потрогал тебя, хотя ты мне ничего подобного не предлагала. Если тебе так хочется, ты тоже можешь потрогать меня».

Теперь давайте поговорим о его поведении.

Первое: он схватил меня за попу.

Интерпретация: позвольте мне заметить, что этот парень никогда не трогал меня раньше. Что же изменилось? Мои брюки были самыми обычными. Не слишком облегающие. Конечно, они сидели довольно низко, и, возможно, это привлекло его внимание к моим бедрам. Но он схватил меня не за бедра, а за задницу.

Я начинаю понимать, что Ханна хочет сказать. И от этого у меня в животе образуется огромная черная дыра.

Лучшие губы – так называлась еще одна категория в том списке.

Алекс, я говорю, что твой список разрешил ему хватать меня за задницу? Нет. Я только хочу, чтобы все поняли, что благодаря этому списку у него появилось оправдание! У всех появилось оправдание. А оправдание – это то, что нужно парням.

До того как появился список, я даже не обращал внимания на губы Анджелы Ромеро. Но зато после я не мог отвести от них глаз. Я был как загипнотизированный: в разговоре с ней не обращал ни малейшего внимания, о чем шла речь, а просто следил, как сжимаются и разжимаются ее губы. Особенно мне нравилось, когда она говорила что-то вроде «скользящая горка» и между ее губ появлялся кончик языка.

Действие номер два: он схватил меня за руку, а затем положил руку на плечо.

Даже не собираюсь давать этому объяснение. Я просто скажу, почему это так меня взбесило. Меня и раньше шлепали по попе – тоже мне дело, – но в этот раз это произошло из-за того, что кто-то внес мое имя в список. И когда этот парень увидел, что я расстроилась, извинился ли он? Нет. Вместо этого он разозлился. Затем снисходительно велел мне расслабиться и даже положил руку на плечо, как будто хотел этим жестом меня успокоить.

Даю подсказку. Если вы трогаете девушку, даже в шутку, а она отталкивает вас, просто оставьте... ее... в покое. Не трогайте ее больше. Просто остановитесь. Ваши прикосновения вызывают у нее лишь тошноту.

Ничто в Анджеле не возбуждало так, как ее губы. В остальном же ее нельзя было назвать красавицей.

Прошлым летом у моего друга была вечеринка, на которой выяснилось, что среди нас есть те, кто никогда не играл в бутылочку. И мы решили восполнить пробелы. Дело шло к финалу, но я отказывался заканчивать игру, пока не поцелуюсь с Анджелой. Когда наконец бутылочка указала на нее, я мучительно медленно и аккуратно прижал свои губы к ее.

Алекс, тебе следует знать, что все люди разные. Так что, когда тыставляешь кого-то на посмеище, подумай, как этот человек может среагировать.

Потом мы с Анджелой перебрались поближе к ее дому, где продолжили целоваться. Я все никак не мог оторваться от ее губ. А ведь она мне даже не

навивалась. Все дело в этом проклятом списке.

Но ведь на самом деле ты совсем не хотел надо мной посмеяться, так? Мое имя было в колонке «Чики». А имя Джессики стояло напротив моего – в колонке «Фрики». Объектом твоей насмешки была она.

А наш снежный ком все быстрее летит с горы вниз.

Джессика, дорогая... ты следующая.

Открываю плеер и вытаскиваю первую кассету. Из маленького кармана рюкзака достаю вторую – на ней в уголке синим цветом написана цифра «три» – и ставлю ее в плеер.

Кассета 2. Сторона А

Небольшая пауза, после чего раздается голос Ханны.

Шаг за шагом. Только так, постепенно, я буду рассказывать свою историю. А вы следуйте за мной – сначала правая нога, потом левая и так далее.

Солнце садится за дома. Уже зажглись фонари. Беру газировку, шоколадку и встаю.

Итак, первая кассета позади – две стороны – две истории. Время идти вперед. А как все будет дальше – лучше или хуже, – это зависит от вашей точки зрения.

Перед входом в «Голубую каплю» стоит урна, грязная металлическая бочка, выкрашенная в синий цвет. Бросаю в нее нераспечатанный шоколадный батончик – не могу представить, что смогу что-нибудь проглотить, – и ухожу.

Знаю, может показаться, что у меня совсем не было друзей, но это не так. Когда я пошла в старшую школу, то сблизилась с двумя другими новичками – Алексом Стендалом и Джессикой Дэвис. И оба они попали в мой хит-парад! Мы так и не стали близкими друзьями, хотя в первые недели учебы очень помогли друг другу.

Открываю бутылку апельсиновой газировки, она шипит, и я делаю глоток.

За неделю до начала учебы мне позвонила мисс Энтилли и спросила, не могу ли я с ней встретиться в школе. На случай если вы не помните, мисс Энтилли была ответственной за отношения между учениками. Позже в том же году она перешла в другой школьный департамент.

Точно! Ее заменили на мистера Портера. Предполагалось, что на время, но он до сих пор совмещает работу учителя английского и школьного психолога.

Как вы узнаете позже, зря. Но оставим это для последней кассеты.

На лбу выступил холодный пот. Мистер Портер? Какое он имеет к этому отношение? У меня кружится голова, и я хватаюсь за дерево, чтобы не упасть.

Если бы она мне сразу сказала, что хочет представить меня другим новичкам, то я бы не пошла. Зачем это нужно? Скорее всего, у нас все равно нет ничего

общего. Представьте, я думаю, что мы с кем-то совершенно разные, а этот человек, наоборот, уверен, что мы очень похожи. Конечно, он хочет со мной подружиться, а я нет. Вот и начало школьных распрей.

Прижимаюсь лбом к стволу дерева и пытаюсь успокоить дыхание.

Этим кем-то оказалась Джессика Дэвис. И она, как и я, не разделяла восторгов мисс Энтилли по поводу нашего знакомства. Мы обе ожидали, что мисс Энтилли позвала нас, чтобы провести психологическую беседу. Чтобы объяснить, что нужно делать, чтобы хорошо учиться, так как эта школа одна из самых сильных в штате. Чтобы рассказать, что у всех нас равные возможности, нужно только захотеть ими воспользоваться. А вместо всего этого она распределила нас на дружеские пары.

Закрываю глаза. Не хочу об этом думать, но все так очевидно. Когда в школе начали распространяться слухи о неожиданном отсутствии Ханны, мистер Портер спросил нас, почему он постоянно слышит в коридорах ее имя. Он сильно нервничал, как будто знал ответ на свой вопрос, но хотел, чтобы кто-нибудь подтвердил его догадки. Тогда какая-то девочка сказала: «Кто-то видел около ее дома «Скорую».

В тот момент, когда мисс Энтилли сказала, почему мы здесь, мы с Джессикой посмотрели друг на друга. Она разжала губы, словно хотела что-то сказать. Она чувствовала себя обманутой, словно ее застали врасплох. Я так в этом уверена, потому что сама переживала нечто подобное. И я никогда не забуду, как мы с Джессикой одновременно выдохнули:

– О... нет...

Я зажмуриваюсь, пытаюсь как можно четче вспомнить тот день. Была ли в глазах мистера Портера боль? Или, может, испуг? Он просто стоял в классе и смотрел на парту Ханны. Сквозь нее. Все молчали, а он осматривал собравшихся, останавливая взгляд на каждом из нас. Затем он вышел из класса и не возвращался целую неделю. Почему? Он что-то знал? Неужели он имел к этому

какое-то отношение?

Помню, что мы тогда сказали.

Я:

– Прошу прощения, мисс Энтилли. Я просто не думала, что вы приглашаете меня для этого.

Джессика:

– И я тоже. Я бы не пришла. Я имею в виду, я уверена, что у нас с Хилари есть что-то общее и что она замечательная, но...

Я:

– Я Ханна.

Джессика:

– Я назвала тебя Хилари? Прости.

Я:

– Все в порядке. Я просто подумала, что тебе стоит знать мое имя, если мы собираемся стать потрясающими подругами.

И затем мы втроем рассмеялись. У нас с Джессикой оказался очень похожий смех, мисс Энтилли смеялась скорее нервно, чем искренне, но все равно смеялась. Она рассказала, что никогда раньше не занималась сводничеством, и сомневается, что будет делать это впредь. Но знаете что, после этого собрания мы с Джессикой подружились. Мы вместе вышли из школы и некоторое время просто молча шли, ощущая неловкость. А затем поняли, что было бы неплохо иметь кого-то, с кем можно было бы просто поболтать.

Неожиданно передо мной остановился серебристый, с голубыми полосками городской автобус.

Мы прошли мой поворот, но я об этом промолчала, потому что не хотела прерывать наш разговор и в то же время не хотела приглашать ее в гости, потому что мы едва знали друг друга. Поэтому мы продолжали идти, пока не добрались до центра города.

Позже я узнала, что она поступила так же, как и я, – прошла мимо улицы, где живет, чтобы подольше поговорить со мной. Так куда же мы шли? Д-7 на вашей карте. Кафе «Моне».

Двери автобуса со скрипом открываются.

Это было отличное место, чтобы посидеть поболтать.

Через запотевшие стекла я вижу, что почти все места свободные.

Мы обе взяли горячий шоколад. Она заказала его, подумав, что это будет забавно. А я? Я всегда заказываю шоколад.

Я никогда не ездил на городском автобусе, просто мне никогда не было нужно, но сейчас с каждой минутой становится все темнее, самое время воспользоваться общественным транспортом.

Ночью проезд на автобусе бесплатный, поэтому я молча прохожу мимо водителя в хвост. Излишне внимательно застегиваю пуговицы на куртке, лишь бы не

пришлось смотреть на других пассажиров. Я знаю, как выгляжу – смущенно, виновато, подавленно.

Выбираю пустой ряд – синие виниловые подушки распороты, а изнутри торчит желтый поролон – и сажусь к окну. Прислоняюсь к холодному стеклу лбом, и это меня немного успокаивает.

Если честно, я уже не помню все, о чем мы с Джессикой говорили в тот день. А ты, Джессика? Когда я закрываю глаза, то вижу все, как в ускоренной записи. Вот мы смеемся. Вот пытаемся не разлить наши напитки. Сильно жестикулируем при разговоре.

Я закрываю глаза. Стекло охлаждает одну половину моего горящего лица. Мне наплевать, куда следует этот автобус, буду ездить на нем часами, если мне позволят. Буду просто сидеть и слушать пленки. И, возможно, смогу уснуть.

В какой-то момент ты наклонилась ко мне через стол и прошептала:

– Я думаю, что этот парень наблюдает за тобой.

Я знала, о ком она говорит, потому что тоже следила за ним. Но он интересовался не мной.

– Он наблюдает за тобой, – сказала я.

В соревновании, как вы все должны знать, победила Джессика.

– Извините, – обратилась она к Алексу, если вы еще не догадались, о ком идет речь, – на кого из нас вы смотрите?

Пройдет еще несколько месяцев, прежде чем Алекс составит свой список – «Чики и Фрики». Но здесь в «Моне» никто из нас троих не знал, к чему приведет это знакомство.

Я хочу нажать кнопку «Стоп» на плеере и перемотать их разговор назад, предупредить, предотвратить эту встречу. Но не могу. Никто не может исправить прошлое.

Алекс зарделся так, словно у него к лицу прилила вся кровь из его накачанного тела. И когда он открыл рот, чтобы что-то сказать, Джессика его опередила:

– Только не ври. Кто из нас тебе интересен?

Через холодное стекло скользит свет фонарей и неоновых вывесок. Рестораны и бары еще открыты.

В этот момент я была очень рада, что у меня появилась такая подруга, как Джессика. Она была самой честной и искренней девушкой, какую я когда-либо встречала. И в душе, вы не поверите, я была благодарна мисс Энтилли за то, что она познакомила нас.

Алекс запнулся, а Джессика властно облокотилась о его стол.

– Мы заметили, что ты смотришь на нас, – сказала она. – Мы обе новенькие в этом городе и хотели бы знать, на кого из нас ты глазеешь. Это важно.

– Я просто... Я слышал... – Алекс начал заикаться. – Ну, я... Короче, я тоже только сюда переехал.

Думаю, мы с Джессикой сказали что-то вроде «Ох». Наступила наша очередь краснеть: бедный Алекс – он просто хотел с нами познакомиться. С этого все и началось. Он пересел за наш столик, и у нас завязался разговор. Так прошел час или больше. Просто трое молодых людей, недавно переехавших в город, сидели и болтали обо всем на свете. Мы были рады, что узнали друг друга, теперь

можно было не бояться, что в первый день занятий придется ходить по коридорам школы в одиночестве, обедать за пустым столиком. В конце концов, хорошо знать, что тебе есть с кем просто поговорить.

Не то чтобы это важно, но куда едет этот автобус? Мы выехали из города? Или бесконечно петляем по улицам? Может, прежде чем садиться, стоило это выяснить?

Как много ночей я засыпала с ужасом при мысли о первом дне в школе. Но в этот день в «Моне» все изменилось – подобные страхи меня больше не посещали. И я была этому несказанно рада.

Однако я никогда не думала о Джессике или Алексе как о друзьях, ни когда мы только познакомились, ни когда началась учеба. Знаю, они обо мне думали точно так же. Мы разговаривали о наших прежних друзьях и обсуждали, с кем хотели бы познакомиться в школе. В течение первых нескольких недель в школе «Моне» было нашим убежищем. Мы встречались за дальним столиком справа и помогали друг другу решать проблемы.

Я уже не помню, кто это придумал, но у нас появилась своя традиция. Тот, у кого выдался плохой день, клал руку в центр стола и говорил: «Палы-выры за себя». Как в игре в прятки. Двое других клали руки поверх его... и слушали, что произошло. Приходя в «Моне», мы с Джессикой всегда заказывали горячий шоколад. Алекс все время пробовал что-то новенькое.

Я был в «Моне» несколько раз, и мне кажется, что мы сейчас как раз едем по той улице, где стоит кафе.

Да, мы были немодными: не зависали в клубах и не тусовались на вечеринках, а просто встречались в кафе. И прошу прощения, если этот эпизод показался вам неинтересным, никаких слухов и непристойностей. Если кто-то нашел историю нашего знакомства увлекательной, то мне как рассказчику и участнику приятно. В любом случае, хочу отметить, что «Моне» сыграло важную роль в жизни каждого из нашей троицы. Однако не переживайте, скоро в моей жизни снова

станет беспокойно. Моя радость знакомства длилась недолго.

Я пересаживаюсь к проходу, встаю и иду по автобусу.

Первым от нас откололся Алекс. Мы по-прежнему обменивались приветствиями, если сталкивались в коридорах, интересовались, как дела, но не более того.

Держась за поручни, я прохожу к началу автобуса.

А пока вернемся к нашим с Джессикой отношениям. Они тоже постепенно сходили на нет. Мы все чаще вели беседы ни о чем.

– Когда следующая остановка? – спрашиваю я.

Чувствую, что слова вырываются из горла, но они кажутся просто шепотом по сравнению с голосом Ханны и шумом двигателя. Водитель смотрит на меня через зеркало заднего вида.

Затем Джессика перестала ходить на наши встречи. Сначала я заглядывала в «Моне» в надежде увидеть кого-нибудь из них, но никого не было. И в конце концов я потеряла надежду и больше не появлялась в кафе... пока...

– Могу остановить, где попросите, – говорит водитель. Он медленно шевелит губами, чтобы я понял.

Смотрите, в истории Джессики есть один положительный момент – все происходило в одном месте, это облегчит жизнь тем из вас, кто ходит в те места, которые отмечены звездочками.

Автобус проезжает кафе «Моне».

– Здесь, будьте добры, – говорю я.

Да, я познакомилась с Джессикой в кабинете мисс Энтилли, но по-настоящему мы узнали друг друга в «Моне».

Стараюсь удержать равновесие, пока автобус тормозит.

Там же мы узнали и Алекса. И затем... затем... это все произошло.

Двери открываются.

Однажды в школе ко мне подошла Джессика и сказала, что нужно поговорить. Она не уточнила, о чем и где, но я знала, что найду ее в «Моне»... и мне казалось, я знаю, что ее тревожило.

Выхожу из автобуса, поправляю наушники и возвращаюсь назад к кафе.

Когда я пришла, Джессика была уже на месте. Она сидела, ссутулившись, ее руки болтались вдоль тела, как будто она ждала меня уже долгое время. Возможно, так и было. Может, она думала, что я пропущу последний урок, чтобы присоединиться к ней. Я присела и положила руку в центр стола:

– Палы-выры за себя?

Она опустила руку на стол, схватила листок, который лежал перед ней, и швырнула его мне. Мне не нужно было на него смотреть, чтобы понять: это был список Алекса – «Чики и Фрики» – тот самый, который я видела на парте Джимми.

Я знала, в какой части списка оказалась благодаря Алексу, а мой так называемый оппонент сидел сейчас прямо передо мной. В нашем убежище. Моем... ее... и Алекса.

– Кому какое дело, что там написано? – сказала я. – Это же ничего не значит.

Я сглотнул. Когда я прочитал этот список, то передал его дальше, особо не задумываясь. В то время он казался мне смешным.

– Ханна, – ответила она. – Мне наплевать, что он противопоставил тебя мне.

Я точно знала, к чему приведет наш разговор, и хотела дать Джессике выговориться.

А сейчас? Что я думаю об этом сейчас? Я должен был бы собрать все копии, которые смог бы найти, и выбросить их.

– Он не поставил меня выше тебя, Джессика, – сказала я. – Он выбрал меня, чтобы вернуть тебя. И ты это знаешь. Он знал, что мое имя обидит тебя больше любого другого.

– Ханна. – Она закрыла глаза и выдохнула мое имя.

Ты помнишь это, Джессика? Потому что я помню. Когда кто-то так произносит твое имя, не глядя в глаза, ты уже ничего не можешь сделать. Он или она уже все решил.

– Ханна, – сказала ты. – Я все знаю.

– Ты не можешь ничего знать, – ответила я.

Возможно, я была слишком наивной, но я надеялась – вот идиотка – что, после того как мы переехали в этот город, все изменилось, что все слухи остались в прошлом... навсегда.

– Ты, конечно, могла что-то слышать, – сказала я. – Но ты не можешь знать наверняка.

– Ханна. – Ты снова повторила мое имя.

Да, я знала об этих слухах, и я поклялась тебе, что не встречалась с Алексом вне школы, но ты не поверила. И почему ты должна была мне верить? Почему не поверить в слухи, которые так прекрасно дополняют то, что обо мне говорили раньше? Ха! Джастин? Почему?

Джессика могла слышать самые разные истории об Алексе и Ханне, но все это была чистой воды ложь.

Джессике было проще думать обо мне как о Плохой Ханне, чем как о Ханне, с которой она сблизилась в «Моне». Такой меня было проще принять. Проще понять. Ей было необходимо, чтобы эти сплетни были правдой.

Помню, как кучка парней подшучивала над Алексом в раздевалке:

– Ладушки-оладушки напеки нам, булочник.[2 - Игра слов. Фамилия Ханны – Бейкер – переводится как «булочник».]

Затем кто-то спросил его:

– Ты хорошо взбил это тесто, булочник?

И все засмеялись, понимая, о чем и о ком идет речь. Когда все ушли, оставив нас с Алексом наедине, я почувствовал, как внутри меня зарождается ревность. После вечеринки у Кэт я никак не мог забыть Ханну. Но я так и не отважился узнать у него, есть ли правда в том, что все говорили о нем и Ханне. Потому что если есть, то я не хотел об этом знать.

– Хорошо, – сказала я. – Отлично, Джессика. Спасибо, что помогла мне в первые недели учебы. Это много для меня значило. И мне жаль, что Алекс все разрушил своим дурацким списком, но это его дело.

Я сказала, что знаю все об их отношениях. В тот день, когда мы все познакомились, его заинтересовала одна из нас. И это была не я. И да, я ревновала. Если ей будет проще пережить это, то я взяла на себя вину за то, что они расстались. Но... это... было... неправдой!

Вот я и добрался до «Моне». На улице стоят два парня: один курит сигарету, второй кутается в куртку.

Но все, что услышала Джессика, это то, что я беру вину на себя. Она встала, глядя на меня сверху вниз, и покачнулась. Так скажи мне, Джессика, что ты намеревалась сделать? Ударить меня или исцарапать? Потому что было ощущение, что ты готова сделать и то, и другое. Как будто ты не могла решить. Как ты тогда меня назвала? Не то чтобы это очень важно, но хотелось бы уточнить. Я была так сосредоточена на том, чтобы увернуться от твоего нападения, что пропустила, что ты сказала. Тот маленький шрам, который вы видели у меня над бровью, это след от ногтя Джессики... который я после вытащила.

Я заметил этот шрам несколько месяцев назад на вечеринке – маленький дефект на прекрасном личике. И я сказал ей, что это даже мило, а она взбесилась.

А может, вы и не обратили на него внимания. Но я-то вижу его каждое утро, когда собираюсь в школу. Он как бы говорит мне: «Доброе утро, Ханна». И каждый вечер желает мне спокойной ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

По-английски имя Уолли звучит как первая часть слова, обозначающего грецкий орех. Здесь и далее примечание переводчика.

2

Игра слов. Фамилия Ханны – Бейкер – переводится как «булочник».

Купить: https://telnovel.com/esher_dzhey/13-prichin-pochemu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)